

Две скрипки. Две судьбы

Рассказ мой о двух людях, которых, кроме родственных связей, объединяла любовь к музыке и единственному, по их мнению, инструменту, который способен передать все её нюансы – скрипке. Две скрипки – две судьбы. Однажды они сошлись в едином звучании, их совместная песня длилась недолго, по воле злого рока они были разлучены не только друг с другом, но и с теми, кто извлекал из них чарующие звуки. Оба скрипача попали в жернова политических репрессий тридцатых годов. Одной скрипке повезло, она вновь встретилась со своим прежним хозяином после долгой разлуки и продолжила радовать слушателей извлекаемой из неё мелодией. Совсем иначе сложилась судьба другой скрипки, которой не суждено было дожждаться своего владельца.

Память бережно сохраняет наиболее яркие картины из далёкого детства. У дедушки в верстачке, стоящем в кухне, на полочках и ящичках хранились разные инструменты для работы. Был там и небольшой сундучок необычной формы. В отличие от других ящичков он был всегда закрыт на маленький навесной замочек. Иногда, собираясь на работу, дедушка брал его с собой, а так как он работал в колхозном саду сторожем-садовником, я решила, что в сундучке хранятся важные садовничьи инструменты. Но однажды вечером, переговорив о чём-то с бабушкой, он достал этот сундучок. И каково же было моё удивление, когда дедушка извлёк из него... скрипку! Дедушка бережно взял её, достал смычок и начал играть. В те минуты мне казалось, что прекрасней этой музыки я никогда не слышала.

В следующий раз дедушка взял в руки скрипку ровно через год. И оба раза мои старички плакали; я не понимала тогда, почему они плачут. Причину узнала позже. Детское любопытство заставляло меня тайком, когда никого нет дома, доставать скрипку из самодельного футляра, разглядывать её. Это была очень старая скрипка, на её корпусе были заметны следы склеивания и вмятина. То, что скрипка эта пережила какое-то страшное событие, было несомненным, и мне хотелось узнать её историю. На мою просьбу рассказать об этом дедушка ответил, что я узнаю об этом, когда подрасту. Но случилось так, что узнала я об этом гораздо раньше, чем он предполагал. Дедушка, как и прежде, иногда брал скрипку с собой на работу. Однажды он вернулся совершенно больным и, плача, повторял одну только фразу: «Зачем я взял её с собой? Не уберёг я её, не уберёг». Немного позже я узнала, что погибла скрипка, которую дед накануне взял с собой. Погибла от рук вездесущих мальчишек, которые нашли её в сторожке, побренчав на ней, оборвали струны и, чтобы скрыть это, не нашли ничего лучше, как бросить инструмент в саманную печь, на которой готовился ужин. Дедушка, вернувшийся после обхода колхозного сада, застал догорающую скрипку в печи. Это потрясло его настолько, что он на неделю слёг. То, что скрипка была дорога дедушке, я понимала, а вот почему, мне хотелось узнать. Её историю я узнала позже, после выздоровления дедушки.

Скрипка эта была приобретена у старого скрипача в Саратове, которому она досталась в наследство от отца, ещё в детстве моего прадеда, который мечтал о собственном инструменте, научившись играть несложные мелодии у музыканта-самоучки Вильгельма Штейнгауэра. Выбирал прапрадед скрипку для сына основательно. Из всех предложенных остановился на этой,

старинной, звучание которой казалось ему волшебным. С годами прадед неплохо освоил инструмент, но свалившиеся житейские проблемы, когда ему, несовершеннолетнему подростку, после смерти отца пришлось взвалить на плечи ношу главы хозяйства, вынудили забыть об игре на скрипке. Но он мечтал, что в будущем кто-нибудь из его детей проявит интерес к музыке и научится играть на ней так, как хотелось научиться ему самому. Он научил играть на скрипке своих старших сыновей. Наиболее способным оказался Гейнрих. Ему-то прадед и передал скрипку. Обладавший абсолютным музыкальным слухом Гейнрих буквально на лету схватывал мелодии и передавал их звуками своей скрипки. Дедушка говорил, что у его брата, помимо работы на земле и семьи, были две страсти – глубокая вера в Бога и скрипка. Он рано стал участником оркестра колонии Бангердт, который часто распадался из-за того, что уезжали его руководители. Новую жизнь в оркестр сумел вдохнуть Яков Яковлевич Вирт, который, вернувшись в Бангердт после учёбы, работал учителем, а затем и директором школы.

Штейнгауэр Гейнрих Адамович. 1926 год.

Вирт Яков Яковлевич (в центре, в белой рубашке) среди учеников и учителей. 1926 год.

Яков Яковлевич обладал не только хорошими организаторскими способностями. Он был разносторонне одарённым человеком, особенно в музыке. С детства мечтал о скрипке. Обучаясь в центральной школе Саратова, стал тайком копить деньги, чтобы воплотить свою мечту в жизнь. Через какое-то время приобрёл свою первую скрипку и на очередные каникулы приехал с ней домой, в Бангердт. Родители и бабушка не разделяли его увлечения, считая, что единственным средством существования для человека, рождённого в крестьянской семье, должна быть работа на земле. Но Яков решил иначе. Закончив учёбу, он вернулся в Бангердт в качестве учителя. Со скрипкой не расставался, собирая после работы таких же увлечённых музыкой людей. Ему удалось сплотить наиболее талантливых самодеятельных музыкантов в один коллектив, и вскоре оркестр стал известен за пределами родного села. Одним из скрипачей в оркестре и был Гейнрих. Событием в жизни Якова Вирта стал подарок старого учителя Оскара Хорна, высоко ценившего его талант. О таком подарке Яков даже мечтать не мог – то была скрипка великого итальянского мастера Джузеппе Гварнери, изготовленная в 1723 году.

Так встретились в одном оркестре две старинные скрипки: одна – сделанная безымянным мастером, другая – творение рук самого Гварнери. Но всё было разрушено в один из дней 1934 года. Гейнриха и Якова арестовали, предъявив им беспочвенные обвинения в переписке с родственниками из-за границы. К счастью, скрипка Якова не пострадала, а вот скрипка Гейнриха была изувечена во время обыска. Неизвестно, умышленно или нечаянно, на неё, брошенную на пол, наступил сотрудник НКВД. Футляр был раздавлен, струны оборваны, корпус самой скрипки повреждён в нескольких местах. Скрипку брата бабушка взял себе, долго восстанавливал её, но прежнее звучание было утрачено, оно стало глуше. Хранил он её бережно в самодельном футляре, надеясь на возвращение брата, а позже уже как память о нём. Почти пятнадцать лет он не прикасался к ней. И позже только в день рождения погибшего брата доставал её и заставлял звучать.

Скрипка проделала длинный путь при депортации в далёкую Сибирь, а затем, в 1957 году, на юг Казахстана, в пограничное с Киргизией село. Узнав её историю, я поняла, насколько тяжело бабушка переживал утрату скрипки. А я до сих пор вспоминаю вечера, наполненные её звуками.

В это время совсем рядом, в пятидесяти километрах, во Фрунзе жил Яков Яковлевич Вирт. Об этом я узнала совсем недавно. Его знаменитая скрипка дождалась своего хозяина и ещё долго радовала слушателей своим звучанием. Яков Яковлевич завещал свой инструмент государству, и сейчас он хранится в одном из музеев Петербурга.

Неизвестно, как сложилась бы судьба этих двух удивительных людей, если бы по ним не проехала репрессивная машина. Яков Яковлевич, возможно, стал бы известным всей стране музыкантом, а Гейнрих Адамович сумел бы привить своим сыновьям любовь к скрипке, о существовании которой у отца они, увы, даже не помнят.

Послесловие

Когда я училась в 5 классе, в последней четверти у нас появился новый учитель пения. К сожалению, память не сохранила его имени, он проработал у нас чуть более месяца. Его уроки были необычными. На каждый урок он приходил со скрипкой, играл на ней виртуозно, знакомил нас с нотной грамотой, чего не делал предыдущий учитель. Он был знаком с нашим учителем немецкого языка Иваном Соломоновичем, который до войны преподавал в Кеппенталь, и по всему было видно, что знакомство это состоялось до того, как новый учитель появился в нашей

школе. Сопоставляя известные мне факты, я нередко задумываюсь: а вдруг тем учителем был Яков Яковлевич?

NL 11. 05. 1966

ZUM 50. JAHRESTAG DER OKTOBERREVOLUTION

„HALT RÜCKSCHAU, GENOSSE!“

Der 50. Jahrestag der Oktoberrevolution ist für unser Filmstudio der 10. Geburtstag. Es ist eines der jüngsten Studios der Sowjetunion. Vor seiner Gründung hatten wir in der Republik nur ein Dokumentarfilmstudio. Unsere Moskauer und Leningrader Kollegen halfen uns, auf dieser Basis ein Studio für Spielfilme aufzubauen. Langsam sammelten wir einige Erfahrungen und zogen einen Mitarbeiterstab aus unseren eigenen Kräften heran. Die Gründung des Studios gab auch unseren Schriftstellern ein neues Arbeitsfeld. Leninpreisträger Tschingis Aitmatow wurde unser aktiver Mitarbeiter.

Der erste Erfolg unseres Studios war der abendfüllende Spielfilm „Hundstage“, eine Regiearbeit von Larissa Schepitko nach Aitmatows Erzählung „Das Kamelauge“. Eine glänzende Regie, die reife Kamerakunst von W. Archangelski und J. Sokolow sowie die schauspielerischen Leistungen von N. Shanturin, K. Jusupshanova und B. Schamschjewa ließen die ewigen Probleme von Gut und Böse, Glauben und Unglauben aufs neue lebendig werden. Der Film erhielt einen ersten Preis auf dem internationalen Festival in Karlovy Vary (im Rahmen des Symposiums der Länder Asiens und Afrikas) und ein Diplom für die beste Regie auf dem Unionsfestival in Leningrad.

Das ist kein zufälliger Erfolg, er beruht auf dem Entstehen eines guten schöpferischen Kollektivs. Auch hierin sind wir unseren Kollegen verpflichtet. Unsere Kinematographisten sind in der Mehrzahl Absolventen der Moskauer Filmhochschule. Von dort kommen S. Apylow, M. Ubukejew, G. Basarow, B. Schamschjewa, K. Omurkulow, D. Assanowa u. a. Das Kollektiv unseres Studios ist in seiner Zusammensetzung sehr interessant: Vertreter von fünfzehn Nationalitäten arbeiten hier zusammen.

Unsere größte Aufgabe ist im Moment — und das ist nicht nur unsere Aufgabe — das fünfzigjährige Jubiläum der Sowjetmacht seiner Bedeutung gemäß vorzubereiten.

In diesem Jahr erblicken zwei abendfüllende Spielfilme das Licht der Leinwand. „Die Linde“ von M. Kowaljow erzählt von mutigen und Helden Menschen, den Erbauern einer Hochgebirgs-Oberlandleitung, von den Beziehungen zwischen diesen Menschen, den neuen Charakterzügen, die durch unseren sowjetischen Alltag anerzogen wurden. „Bakajs Weideland“ von T. Okejew führt vor Augen, wie das neue Leben selbst in den fernsten Ecken Kirgisiens seinen Einzug hält.

Sehr viel erwarten wir von dem Film „Der Weg des Schnitters“ nach der gleichnamigen Erzählung Aitmatows. Das Drehbuch hat G. Basarow vor kurzem fertiggestellt.

Im nächsten, dem Jubiläumsjahr wollen wir vor allem Filme über das zeitgenössische Leben produzieren, über die große Entwicklung unserer Republik in den Jahren der Sowjetmacht. Wir haben vor, einen Film über den bedeutenden kirgisischen Revolutionär Tabaldy Pudowkin zu schaffen.

Große Aufgaben stellen sich auch die Dokumentarregisseure unserer Repu-

blik. Der Film von J. Gerstein „Halt Rückschau, Genosse!“ überblickt den gesamten Weg, den die Republik zurückgelegt hat. Alte Dokumentareinstellungen und Fotos werden zu neuem Leben erweckt. Nach den Plänen der Autoren soll das eine Art von „Kirgisischem Wunder“ werden (analog zum „Russischen Wunder“ der Thorndikes). Wir wollen von denen erzählen, die durch ihre Arbeit unsere Republik in einen blühenden Garten verwandelt haben.

Nurkasy KANGELDJEW,
Direktor des Studios „KirgisiFilm“

Jakob Wirts Geige

Jakob WIRT

Foto: W. Hofela

Vorsichtig nehme ich das Instrument. Eben erst hat die Geige gesungen und uns durch ihre bezaubernde Melodie in ihrem Bann gehalten, und mir scheint, als singe sie immer noch. Ich habe Angst, diesen Ton zu zerstören. „Nur mutiger, mutiger!“, muntert mich der Besitzer der Geige, Jakob Wirt, auf. „Sehen Sie die Aufschrift „Giuseppe Guarneri, 1723“. In Italien gebaut.“

Diese Geige erhielt Jakob Wirt, ein beginnender Lehrer, vor 35 Jahren von seinem Kollegen, dem Lehrer Oskar Horn als Geschenk. Horn hatte sie aus dem Baltikum mitge-

bracht. „Ich bin schon alt, aber dein Talent ist dieses Instruments wert. Ich schenke es dir von ganzem Herzen.“

Ein anderer Besitzer strich nun die Geige, aber sie sang genau so schön. Dann dieser neue Besitzer wußte, was Musik ist. Seine erste Geige hatte er gekauft, als er noch Schüler der Zentralschule in Saratow war. Das war am Vorabend der Oktoberrevolution.

Einige Jahre lang legte er heimlich Kopeke um Kopeke zurück, bis er das nötige Geld beisammen hatte. Er brachte die Geige nach Hause und versteckte sie für die Zeit der Ferien unter Kleidern

im Korb. Doch wie sehr er auch seinen Schatz vor den Eltern verbarg, entdeckten sie ihn schließlich doch. Besonders empört war der Großvater: „Wir sind angestammte Bauern und müssen uns an den Boden halten. Er ist unser Ernährer“, belehrte er den Enkel. „Die Geige kann dich nicht durchbringen. Wer als kleiner Junge Musikant ist, der ist im Alter ein Bettler.“

Doch Jakob hatte seinen Weg schon gewählt. Ein Jahr später beendete er die Schule und fuhr als Lehrer in sein Dorf. Und die Geige nahm er mit. Tagsüber unterrichtete er, abends aber kamen in der Schule die Musikliebhaber zusammen. Bald wurden die Mitglieder des Musikzirkels aktive Verbreiter der Kultur auf dem Dorf.

Und dann wurde die italienische Geige, deren Geschichte wir bereits erzählt haben, seine Gehilfin. 35 Jahre lang.

Nach dem Krieg arbeitete Jakob Wirt in Kirgisten im Frunse-Werk. Jetzt ist er Rentner, aber die Musikliebhaber des Werks holen sich weiterhin bei ihm Rat und Hilfe. Manche nehmen bei ihm Musikunterricht, die meisten jedoch kommen einfach vorbei, um zuzuhören, wie die wunderbare italienische Geige in seinen Händen singt.

A. KENT

Статья о Якове Яковлевиче Вирте и его скрипке. «Neues Leben», 1966. Архив семьи Вирт.